

Жадный монах

Рассказывали, что проживал некогда в одном большом монастыре архимандрит Пахомий. Народ его любил за доброту, а братия недолго любила. И за глаза называла любостяжателем. А то и вовсе – «жадным монахом». И вправду – рясы у него непростые, машина крутая. Да и в келье «полный фарш»: обилие книг, икон, всяких сувениров и прочих даров от небедных прихожан.

Братия монастыря, особенно новоначальные, подобной роскошью нередко соблазнялись.

Как-то не укладывались на подобное имущество поучения древних пустынножителей-аскетов. Особенно сокрушался о «заблудшем брате» отец Герасим:

– Ну куда такое годится? Не по-монашески это!

Сам Герасим был в быту строг. Келья его поражала своей простотой и бедностью. И от духовных чад своих требовал подобного, частенько намекая на близость последних времён. Как-то раз даже возглавил делегацию к настоятелю обители. Мол, не хотим жить рядом с Пахомием.

Настоятель лишь руками развёл: «А что я с ним поделать могу? Да и паломники в нём души не чают». И, напомнив братии о братолюбии и терпении, посоветовал усерднее молиться о Пахомии.

Впрочем, на самом деле отец Пахомий жадным не был. Охотно, хотя и с рассуждением, делился своим имуществом. «Да он так всех подобными себе сделает!» – не унимался отец Герасим. И молился об избавлении от напасти. Но боль сердечная не утихала. Он даже в отпуск съездил на две недели, «чтоб глаза этого не видели»...

Бог внял его молитвам – пришло монастырю избавление от Пахомия! Получил он назначение настоятелем небольшой обители. Вызвал отца Пахомия настоятель и говорит:

– Вот, батюшка, указ из Епархии пришёл. Владыка благословил тебе возглавить возрождаемый Свято-Никольский монастырь. Ты собирайся потихоньку, хотя особо не затягивай. Начальство, сам знаешь, сердить не стоит. Так что – с повышением тебя. Возьми двух послушников – пусть помогут тебе имущество твоё упаковать, погрузить. Путь неблизкий, но грузовик тебе выделим. В твою-то машину всё не влезет? И, это... ты прости меня, грешного, если что не так. И за братию всю прошу – прости! Осуждали ведь тебя порой...

Только вышел от настоятеля отец Пахомий, а следом уж Герасим стучится.

– Что, уезжает Пахомий? Я, отец, тебе честно скажу – и слава Богу!

– Ты за этим, что ли, притопал? Может, помочь собраться хочешь?

– Да мне к этому бараклу даже прикасаться противно... Нет, конечно, не за этим. Я вот по вопросу. Отче, благослови меня уехать на деньков пять?

– Вот те на! Это с какой такой радости? Ты ж только из отпуска.

– Так в том-то и дело. Гостил у своего семинарского друга, отца Василия. И чётки свои у него в храме забыл. Жаль будет, если пропадут.

– Ты что, головой в дороге повредился? На вот тебе мои чётки, и молись себе на здоровье.

– Те чётки – особенные. Мне их когда-то приснопамятный схиархимандрит Иоиль благословил! Вот уж был старец подвижник! Эти чёточки, знаешь ли...

– Я заслуг старца Иоиля не умаляю, сам знаешь, – перебил его настоятель. – Ну как я тебя отпущу? Тебя ж и в богослужебный график, и на послушания кругом после отпуска поставили! Ладно, придумаем что-нибудь с благочинным. Вот уж головная мне боль от вас – не один, так другой чудотворит...

Позвал благочинного. Целых два часа с ним мудрили, как отца Герасима везде подменить. Только отдохнуть настоятель надумал, тут опять отец Пахомий пожаловал. Стоит на пороге, за спиной рюкзак, у ног дорожная сумка:

– Вот, отче, с тобой попрощаться зашёл. С братией уже попрощался, вечером на поезд до Красноугольска.

– А вещи твои???

– Всё своё ношу с собой, – улыбнулся Пахомий, – а остальное я уж и раздал. Книги – в монастырскую библиотеку определил. Рясы – братии, а остальное – в рухлядную. Иконы – что братии, что чадам духовным. В общем, разберутся...

– Машину-то как?

– Да вот... Проблема... Ну зачем она мне там нужна, такая красивая? А надо будет – Бог пошлёт, как и эту послал. Как, впрочем, и всё остальное. Переоформить её, конечно, прямо сейчас не получится. Да вон у отца Никифора на неё доверенность есть, пусть и ездит. Ты это, благословишь ему меня на вокзал отвезти? А то у меня и рюкзак, и сумка. А автобусы плохо ходят – как бы на поезд не опоздать...

– Благословляю.

– А машину – ты не переживай, не заржавеет! – продолжил Пахомий, – приеду вот к вам погостить и переоформлю. Хочешь на тебя, хочешь – на монастырь...

– На отца Герасима, – попытался пошутить настоятель, – ему в последнее время вечно куда-то ехать надо...

– Да хоть на Герасима! Отчего нет? Водит он вроде неплохо... А! Вот ещё что! Просьба у меня к тебе, если возможно... Келью-то я освобождаю. Она тёплая, без сквозняков. А отец Варсонофий хворый совсем, простужается часто. Подумай, может переселишь его в мою?

– Подумаю...

Почему-то отцу настоятелю захотелось плакать. Но он сдержался, чтобы не смутить Пахомия. Только поклонились они друг другу в ноги, обнялись, как родные братья. И простились.

По дороге на вокзал сидевший за рулём отец Никифор всё же спросил отца Пахомия:

– Батюшка, но ведь все вещи, что вы раздали, вам духовные чада от чистого сердца дарили. Любят они вас – вот и дарят на молитвенную память. Не жаль с памятью этой расставаться?

– А я ничего хорошего не забыл! Ведь каждый их дар – как жертва Богу. Именно потому, что от сердца. Вот и моё сердце благодетелей моих не забудет. Никогда. Никого. Помнишь, когда меня в иеромонахи рукоположили, мне Анютка, младшая дочка Степана Ильича, пупса подарила? А я взял, – она ведь свою самую любимую игрушку пожертвовала! И не поверишь – я его сохранил. Вот только неделю назад с ним расстался.

– И куда же дели? Ведь «подарок не отдарок»! – рассмеялся Никифор.

– Анюткиной дочке отдал, – улыбнулся отец Пахомий, – Анютка даже прослезилась в умилении, когда своего пупса увидела...

Отец Никифор почему-то долго не мог уехать с вокзала. Стоял и смотрел вслед увозящему Пахомия поезду, пока огоньки не растворились в темноте.

P.S. А за чётками отец Герасим так и не поехал. Передумал.

Игумен Валериан (Головченко)